

Эрлян всё же произнёс слова утешения:

— Всё хорошо, пусть знает — нечего соваться к молодому господину!

Фан Шу вздохнул:

— Похоже, он ко мне прилип.

Видимо, Хо Тайлин и вправду давно не отдыхал как следует — проспал до глубокой ночи, не просыпаясь.

Ма Гуй только что получил ответ от Чэнь Линя: тот сообщал, что сможет соединиться с ними завтра к вечеру.

— Довольно быстро!

Ма Гуй нахмурился:

— По-моему, он всё это время крутился где-то поблизости и наблюдал за спектаклем! Просто ждал, когда мы к нему обратимся за помощью.

Лю Большой Меч после истории с Фан Шу совсем не имел настроения заниматься сбором ян, чувствовал себя вялым и лишь зевал в стороне. Услышав это, он оживился:

— Думаю, он хочет стать главным военачальником. У него амбиции огромные.

Чем больше Фан Шу слушал, тем больше понимал: человек этот — не из простых. Дело принимало серьёзный оборот. Здесь, вдали от столицы, если не подчиняться распоряжениям и наделать глупостей, сам себе навлечёшь беду.

С тяжёлыми мыслями он вернулся в свою палатку. У входа стоял Эрлян. Осень в Корее оказалась холоднее, чем в столице.

— Почему не в палатке? Завтра же тренировка. Который уже час? — в голосе Фан Шу послышалось раздражение.

Эрлян растерялся:

— Так... В палатке господин Хо ещё спит, неудобно как-то.

Фан Шу понял его опасения. Будить и выгонять Хо Тайлина тоже не хотелось. Ситуация вышла неловкой — никак не ожидал, что тот проспит целые сутки.

В конце концов хозяин и слуга втиснулись на лежанку Эрляна.

Хо Тайлин давно не спал так сладко. Во сне ему привиделась женщина — стройная, в развевающихся розовых одеждах. Только была она почему-то намного выше обычных женщин. Он хотел окликнуть её, но голос словно пропал, не издавалось ни звука. Отчаявшись, он заёрзал на месте, пытаясь привлечь внимание. Наконец женщина обернулась — и лицо её оказалось лицом Фан Шу. Прекрасное, словно испуганная лебедь, оно озарилось улыбкой, тёплой, как весенняя вода, и он застыл, не в силах пошевелиться.

Она плавно приблизилась, собираясь совершить с ним то самое... Возбуждённый её ласками, он уже почти потерял голову, но в самый последний момент словно провалился в бездну.

Хо Тайлин открыл глаза, судорожно глотнув воздух. Была ночь. Тело покрылось испариной — сколько же он проспал?

При свете костра, пробивавшемся сквозь ткань палатки, зрение постепенно вернулось. В ноздри ударил его запах — и Хо Тайлин вспомнил, что спит на кровати Фан Шу. Неудивительно, что даже в похотливом сне явился именно он.

— Дождь сегодня пошёл!

— И холодно стало! Проклятое место, просто ледяное!

— А тренироваться сегодня будем?

— Эх, наверное... Когда мы вообще отдыхали?

Солдаты, прячась от дождя у входа в палатки, перешёптывались. Шум капель по брезенту не мог заглушить их оживлённый гомон.

Вскоре ответственные командиры объявили по лагерям: отдыхать до окончания дождя.

Все, казалось, вздохнули с облегчением — хоть немного передышки.

Боевые товарищи, прошедшие через огонь и воду, жались в палатках, обсуждая домашние дела и тоскуя по родным, благодаря осеннему дождю за украденный полдня покоя.

Площадь лагеря была ограничена. Вчерашнее размещение пяти тысяч солдат Хо Тайлина уже исчерпало все возможности этого участка.

Утром к Хо Тайлину пришли с докладом:

— Господин Хо, свободное место есть только за левым флангом лагеря, там можно немного расшириться. Как насчёт того, чтобы вам там встать?

Хо Тайлин, не вставая с кровати Фан Шу, лениво махнул рукой:

— Не беспокойтесь. Я останусь здесь, у господина Фана.

Фан Шу, вчерашняя ночь на одной лежанке с Эрляном уже не дала ему выспаться, а теперь тот, кажется, собирался задержаться надолго.

— Господин Хо, разве вы не жаловались, что здесь душно? — Фан Шу довольно прозрачно намекал на необходимость уйти.

Хо Тайлин холодно взглянул на него:

— Нога у меня до сих пор не разгибается...

Это была уже откровенная наглость! С утра Фан Шу видел, как тот бодро вошёл в лагерь, а теперь вдруг «не разгибается».

Эрлян рядом тоже выглядел неловко — явно не хотел оставаться с Хо Тайлином под одной крышей.

Фан Шу оказался меж двух огней: если уйти самому, Эрлян и Хо Тайлин не уживутся, но и выгонять слугу он не мог.

Хо Тайлин даже не взглянул на них, закрыв глаза и предаваясь отдыху.

Фан Шу медленно подошёл и сел рядом с Хо Тайлином:

— Тайлин, может, переберёшься к господину Лю? У него просторнее.

Услышав это, Хо Тайлин резко поднялся, широко раскрыв глаза:

— Лю Большой Меч? А если он посреди ночи заставит меня собирать ян?!

Фан Шу ошарашенно замолчал, не успев ответить.

Хо Тайлин ткнул в него пальцем:

— Фан Шу, Фан Шу! Сердце у тебя ядовитое! Подсовываешь овцу прямо в пасть тигру!

Фан Шу покраснел:

— Он тебе не соперник! Да и господин Лю знает меру, ты слишком о себе возомнил!

— О, как вспомню — аж бесит! Кто это меня пнул так, что я с постели встать не мог? Где уж мне сопротивляться Лю Большому Мечу, этому здоровяку!

Хо Тайлин принял вид оскорблённой невинности и продолжал:

— Лю Большой Меч, едва взглянув на меня, сразу же возжелал! До сих пор мурашки по коже!

На лице Фан Шу явственно читалось: «Слишком уж ты о себе высокого мнения».

Хо Тайлин, заметив это, вспылил:

— Лю Большой Меч, увидев такого мужественного, как я, — сразу как пёс на... кхм... — спохватился он, осознав, что сравнение выходит нелестным и для него самого, и поправился:

— Как голодный — на пиршество!

Эрлян вмешался:

— Ладно, не ссорьтесь. Я пойду к Е Цзинчжоу.

Е Цзинчжоу, по прозвищу Шу, был из того же отряда, что и Эрлян. Когда с Эрляном случилась беда, он немедленно прибежал к Фан Шу узнавать о состоянии друга — видно, действительно считал его близким. Человек он был храбрый и решительный, в атаках на Шуньтянь всегда шёл впереди, за что и получил звание сотника.

Несмотря на суровость нрава, отличался прямоотой и верностью, ставя долг выше всего. Как-то несколько его подчинённых из-за неверно понятого приказа остались на месте — по уставу полагалась палочная экзекуция. Но он сам попросил наказания, сославшись на собственную неясность указаний. В итоге остальным солдатам уменьшили число ударов. Все знали, что объяснял он чётко — просто те парни от волнения перепутали.

Хо Тайлин взглянул на Эрляна, собирающего вещи, и внутренне усмехнулся: «Понял, наконец!»

Фан Шу остановил его:

— Нельзя!

Эрлян же искренне хотел пожить с Е Цзинчжоу — наконец-то появились друзья.

— Господин, не беспокойтесь. Кто посмеет меня обидеть? Я учёл прошлый урок!

Хо Тайлин, развалившись на лежанке и закинув ногу на ногу, проворчал:

— Верно. Человеку друзья нужны. Не будь таким хозяйским псом — слишком уж опекаешь!

Эти слова попали точно в цель.

Фан Шу порой и вправду напоминал надоедливую няньку.

Чёрное небо с единственной звездой — скучно. Эрляну и вправду нужно было искать больше света.

— Если что — сразу ко мне... — Фан Шу помог собрать доспехи и одежду, отнёс вещи.

Е Цзинчжоу был невысок, но во взгляде чувствовался напор. Если приглядеться — черты лица довольно приятные.

Он как раз коротал время с товарищами, укрывшись от дождя. Увидев Эрляна с узлом, обрадовался, стал освобождать место. Солдаты в отряде уважали Е Цзинчжоу, так что место для новичка нашлось быстро.

Все смотрели на Фан Шу как на диковинку. Тот же, не кичась званием, присел и завёл беседу.

Зная, что перед ними «орхидеевый таньхуа», некоторые попросили рассказать что-нибудь для развлечения. Поднялся шум:

— Расскажи историю! Расскажи!

Фан Шу, видя, что отбоя не будет, махнул рукой:

— Что ж, придётся краснеть. Только не смейтесь. Расскажу двадцать седьмую главу «Троецарствия»: «Краснобородый проходит тысячу ли в одиночку, хоу Ханьшоу сокрушает шестерых полководцев на пяти заставах».

Собравшиеся дружно зашумели. Фан Шу, подражая манере чайных сказителей, сдавленным голосом начал:

— Говорят, среди военачальников Цао Цао, помимо Чжан Ляо, лишь Сюй Хуан был в дружбе с Юньчаном... — повествовал он живо и выразительно.

Все слушали, затаив дыхание. Когда дошло до того, как Кун Сю пал мёртвым под конём, воздух застыл. Фан Шу, добавив от себя деталей схватки, схватил со стены небольшой нож и, перебирая им в руках, изобразил поединок так ярко, будто он разворачивался на их глазах.